

УДК 81'27+808.51

ОБРАЗ ГОСУДАРСТВА В ЗЕРКАЛЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

THE IMAGE OF THE STATE IN THE MIRROR OF THE UKRAINIAN CRISIS

Ю. С. Патисова

Y. S. Patisova

*ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова», г. Москва*

Аннотация. Вопрос формирования и поддержания позитивного образа государства сохраняет свою актуальность в политическом дискурсе каждой страны. Целью данной статьи является анализ влияния украинского кризиса на образ государства в США, Германии и России, формируемый лидерами этих стран. Проводится сопоставительный семиотический и семантический анализ публикаций официальных интернет-ресурсов за два периода: 2009–2010 гг. и 2014 г. В выводах дается оценка степени влияния анализируемого события на образ государства.

Abstract. The issue of how to create and maintain the positive image of the state is still relevant for the political discourse of each country. The purpose of this article is to analyze the impact of the crisis in Ukraine on the image of the United States, Germany and Russia formed by the leaders of these countries. This investigation provides a comparative semiotic and semantic analysis of the official Internet publications for the two periods of 2009–2010 and 2014. In the conclusion there are some assumptions on the way the analyzed events influenced the image of the state.

Ключевые слова: образ государства, образ США, образ Германии, образ России, интернет-СМИ, президентская риторика.

Keywords: image of the state, image of Russia, image of the USA, image of Germany, online mass-media, presidential rhetoric.

Актуальность исследуемой проблемы. Политический кризис на Украине, начавшийся в конце 2013 года и продолжающийся до сих пор, стал своего рода лакмусовым индикатором, проявившим особенности внешней и внутренней политики многих стран. Оставив за скобками собственные политические предпочтения, мы предлагаем обратить внимание на то, как указанный кризисный процесс повлиял на развитие политического дискурса в России, США и ФРГ.

Фундаментальным тезисом, лежащим в основе нашего исследования, является прямая взаимосвязь публичной речи и государства: «если не было бы речи, то не могло бы быть государства» [5, 92].

В качестве объекта исследования был выбран образ государства, являющийся динамичным и целенаправленно формируемым элементом политической коммуникации [7, 35]. Расхождение представлений об оптимальной форме государства зачастую является причиной дебатов критиков и сторонников власти как внутри государства, так и за его пределами. Отсутствие целенаправленного формирования позитивного образа государства может привести к «спонтанной фрагментарной негативной оценочной реакции граждан на внутри- и внешнеполитическую деятельность власти, связанной с непониманием сути происходящего в стране», как это было в России на рубеже 1990–2000-х годов [2, 30]. Нельзя сказать, что оценка образа государства обществом зависит исключительно от успешности его представ-

ления в политической коммуникации. На общественное мнение оказывают влияние и собственные ожидания, негативные образы государства, представляемые оппонентами власти, а также реальное окружение социума [2, 47]. Однако исследователи СМИ справедливо отмечают преобладание информации, почерпнутой из масс-медиа, над личным опытом в процессе концептуализации политического пространства [10, 121]. Кроме того, позитивный образ государства способствует обозначению интересов государства в информационной сфере, связанных с обеспечением национальной безопасности, сохранением суверенитета и территориальной целостности страны [8, 5].

Все перечисленные доводы о возможном влиянии украинского кризиса на образ государства, являющийся одним из наиболее значимых элементов политической коммуникации, подтверждают *актуальность* выбранной темы.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили публикации официальных сайтов политических лидеров России (<http://www.kremlin.ru/>), США (<http://www.whitehouse.gov/>) и ФРГ (<http://www.bundestkanzlerin.de/>). Обращение к наиболее авторитетным источникам позволяет проанализировать образ государства, в достаточной мере свободный от информационного шума. Анализ осуществляется при помощи следующих методов: 1) для рассмотрения динамики образа государства сопоставляются два периода – 2009–2010 гг. и 2014 г.; в соответствии с указанными параметрами осуществляется сбор материалов методом сплошной выборки; 2) выявляются тематические доминанты отобранных текстов; 3) проводится семиотический анализ, т. е. лингвистическое представление характерных для политического дискурса знаков (основных ценностей, знаков чуждости и общности).

Результаты исследований и их обсуждение. Для начала определим отправную точку для нашего сопоставительного исследования, а именно то, как функционировал образ государства в России, Германии и США в предыдущий период (по материалам 2009–2010 годов).

В указанный период выступления канцлера Германии Ангелы Меркель и другие публикации на ее официальном сайте чаще других затрагивают глобальные темы: общность Европы и другие внешнеполитические вопросы. В текстах можно выделить ценности, возводимые в статус национальных, такие как здоровье, истина, демократия, свобода, единство, а также лидирующее положение в мире. В образе национального врага общества Германии выступают голод и бедность в мире, эпидемии заболеваний.

Als Beispiel für eine globale Herausforderung nannte die Bundeskanzlerin den Kampf gegen Aids, Tuberkulose und Malaria. Deutschland werde sich als drittgrößter Geber des Globalen Fonds zur Bekämpfung dieser Krankheiten weiterhin für eine Verbesserung der Gesundheitssituation einsetzen, versprach sie. – В качестве примера глобальных проблем бундесканцлер назвала борьбу со СПИДом, туберкулезом и малярией. «Германия в качестве третьего по значимости благотворителя мирового фонда по борьбе с этими заболеваниями продолжит работу по улучшению ситуации в здравоохранении», – пообещала она.

В этот период исторически неоднозначные темы редко встречаются в выступлениях бундесканцлера. Если Ангела Меркель обращается к истории, то упоминает о событиях конца 90-х гг. XX века, периоде воссоединения Германии, то есть о событиях, однозначно позитивных для нынешнего государства.

Официальные выступления президента США в вышеобозначенный период организованы вокруг схожих ценностей: безопасность, единство, социальные блага, господство идей, а также мировое господство. Образ государства реализуется при помощи метафоры дома. В качестве оппозиции этому образу создаются образы врагов: это финансисты и кредитные компании (речь идет о периоде преодоления финансового кризиса), а также другие государства, угрожающие миру (Иран, Йемен). Обращение к историческому пути, от от-

цов-первооснователей до нынешнего времени, апелляция к авторитетам из числа президентов-предшественников способствуют созданию образа цельного, исторически легитимного государства.

These financial firms took huge, reckless risks in pursuit of short-term profits. <...> This financial crisis nearly pulled the entire economy into a second Great Depression. As a result, the American people ... were placed in a deeply unfair and unsatisfying position. – Эти финансовые компании предприняли огромные неосторожные риски в гонке за сиюминутной прибылью... Этот финансовый кризис чуть не втянул всю экономику во вторую Великую депрессию. И, как результат, американцы... оказались в глубоко несправедливом и неудовлетворительном положении.

В выступлениях Президента России постулируются следующие ценности: «межнациональный и межконфессиональный мир, воинская доблесть, верность долгу, гостеприимство и доброта, свойственные нашему народу». Частотны обращения к историческому опыту России, спорные события из прошлого подаются в тоне объективной констатации, воздерживающейся от осуждения: «Впечатляющие показатели двух величайших в истории страны модернизаций – петровской (имперской) и советской – оплачены разорением, унижением и уничтожением миллионов наших соотечественников. Не нам судить наших предков». Президент напоминает о плачевном состоянии России в недавнем прошлом: «полупарализованное полугосударство, каким была еще десять лет назад». Кроме того, эксплицируется негативная оценка неудачных реформ при помощи маркированных лексем: «позорно низкая» энергоэффективность, «унизительная» сырьевая зависимость. Образ внешнего врага практически не прослеживается, встречаются только однократные отсылки типа «режим Саакашвили совершил преступное нападение на Южную Осетию». То есть в центре внимания – внутривластная обстановка, а миролюбивый характер внешней политики определяется экономической целесообразностью.

Составив общее впечатление о политической коммуникации и некоторых способах формирования образа государства в 2009–2010 годах, перейдем к анализу того, как события украинского политического кризиса трансформировали самопрезентацию России, США и Германии. Обратим внимание на событие, вызвавшее наибольшее количество дискуссий, – крымский референдум. Отечественные аналитики высоко оценивают значимость крымского прецедента для России: «по сути, речь идет не о статусе Крыма и будущем Украины, а о новом мироустройстве и месте России на мировой арене» [4].

Активная внешнеполитическая позиция РФ вызвала порицание глав США и ЕС и сделала Россию основным объектом их риторического противоборства.

Так, 27 сентября 2014 года в своем еженедельном обращении Барак Обама перечисляет актуальные угрозы, в числе которых террористическая группировка ИГИЛ, агрессия России на Украине, эпидемия лихорадки Эбола и климатические изменения в мире. Необходимость борьбы с перечисленными угрозами подкрепляется использованием лексем с милитаристской семантикой: *fight* ('бороться'), *destroy* ('разрушить'), *aggression* ('агрессия'), *combat* ('сражаться'), *threat* ('угроза'). Целенаправленность выбора милитаристских лексем доказывает исследование А. А. Даниловой: при необходимости представить военное вмешательство во внутренние дела другой страны как позитивное действие используются эвфемизмы (*adventure* вместо *war*, *aid* вместо *military repression* и т. д.) [3, 66]. Осознанный выбор эвфемизмов или лексики с милитаристской семантикой можно наблюдать в выступлении Б. Обамы 26 марта 2014 г.: ср. *Russia's violation of international law* (нарушение Россией международного права), *brute force* (грубая сила) и *America's decision to go into Iraq* (решение Америки идти в Ирак).

Лидирующая позиция Америки в борьбе с актуальными угрозами представляется соответствующей ожиданиям всего мира (*The people of the world look to us to lead.* – «Люди [всего] мира ждут от нас лидерства») и обосновывается через ключевые для американского общества ценности – великое прошлое и свободу.

Тема лидерства прослеживается и в выступлениях канцлера ФРГ по поводу украинского кризиса. Однако Германия не претендует на мировое лидерство, ограничиваясь общеевропейским. Любопытной является следующая статистика: в пяти выступлениях А. Меркель, объединенных темой крымского референдума и антироссийских санкций, лексемы с корнем *europ-* встречаются почти в два раза чаще, чем с *deutsch-* и *bundes-* вместе взятые (195 против 64+44). Общность Европы и приверженность общим идеалам подчеркивается лексемами единства *Einigung* ('единение'), *gemeinsam* ('вместе'), *Koalition* ('коалиция'), *Partnerschaft* ('партнерство'). При этом границы единой Европы не всегда четко определены: иногда они ограничиваются экономически – зоной ЕС, иногда – географически (когда к Европе причисляется Украина, но исключается Россия). Однако главным критерием для определения европейской страны становится приверженность общим интересам, определенным Германией и НАТО.

Перечисленные особенности немецкого политического дискурса иллюстрируют типичную для него топику. Преемственность ценностей и схем представления события в Германии из американского политического дискурса мы также наблюдали при анализе трагических событий: массовой давки 24 июля 2010 г. в немецком городе Дуисбурге и взрывов на финише Бостонского марафона 15 апреля 2013 г. Эти события предполагают расстановку разных информационных акцентов, однако их представление в официальном политическом дискурсе осуществляется по схожему сценарию [6].

Новой темой является упоминание о двух мировых войнах, инициатором которых была прежняя Германия – предшественница нынешней ФРГ. Поводов для этого несколько: во-первых, столетняя годовщина начала Первой мировой войны (в 2014 г.); во-вторых, семидесятилетняя годовщина окончания Второй мировой войны (в 2015 г.), в-третьих, потворствование нового руководства Украины крайне радикальным группам, которые разделяют нацистскую идеологию и используют соответствующую символику. Историческая тема Первой и Второй мировых войн затрагивается в выступлениях бундесканцлера Меркель вскользь, при этом акцентируется главное достижение – создание европейской общности, разделяющей общие ценности: мира, свободы и процветания. Россия в данном случае выступает как угроза этой общности, действующая в «духе прошлого» (*nach den Munster des 19. und 20. Jahrhunderts im 21. Jahrhundert*): *Es geht um die territoriale Unversehrtheit eines europäischen Nachbarlandes, um den Respekt vor den Prinzipien der Vereinten Nationen, um Prinzipien und Methoden des Interessenausgleichs im 21. Jahrhundert.* – Речь идет о территориальной целостности европейской страны-соседа, об уважении принципов ООН, о принципах и методах балансирования интересов в 21 веке. Таким образом, формируется негативное представление о стране-агрессоре, угрожающей основным ценностям европейского общества.

Вопрос о радикальных националистических группах на территории Украины, получающий постоянное освещение не только в российских СМИ, но и в выступлениях Президента РФ, Ангела Меркель практически не раскрывает. Приведем единичный пример подобного упоминания: *«Das Wahlergebnis verdeutlicht auch, dass die Kräfte in der Ukraine, die sich nationalistisch radikal präsentieren, glücklicherweise nur sehr geringen Zulauf bekamen».* – «Результаты выборов показали, что на Украине силы, представляющие себя радикально националистическими, к счастью, получили лишь ограниченную поддержку».

Таким образом, риторика лидеров США и ФРГ сходится в намерении представить основным агрессором и первопричиной украинского кризиса Россию. Образ США и образ Германии формируются по схожим моделям: в основе национальной идентичности лежит вера в собственные идеалы; справедливость выбранных идеалов доказывает лидирующий статус государства (США претендует на мировое лидерство, а Германия – на европейское), а также интерпретация исторических фактов с учетом актуальной прагматики. Верность собственным идеалам определяет и суть конфликта – это противостояние идей и видений мира.

В свою очередь в России В. В. Путин 18 марта 2014 года выступает с обращением по поводу присоединения Крыма к России. Эту речь СМИ одарили эпитетом «историческая». Позже на основе этого обращения был смонтирован и опубликован видеоролик с субтитрами на шести иностранных языках, получивший более 4,5 млн просмотров.

Президент России в качестве ценностей, обосновывающих присоединение Крымского полуострова к России, называет историческую общность, правду, справедливость. Основную часть обращения занимают перечисление и толкование релевантных исторических фактов, а также проведение исторических параллелей для обоснования легитимности проводимого присоединения. Россия предстает как одушевленный персонаж истории: *«Россия почувствовала, что ее даже не просто обокрали, а ограбили»*. *«Ну что, Россия? Опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду»*. Образ России на международной арене формируется как образ жертвы, против которой осуществляется несправедливая политика сдерживания: *«Россия искренне стремилась к диалогу с нашими коллегами на Западе»* – *«нас раз за разом обманывали, принимали решение за нашей спиной, ставили перед свершившимся фактом»*. Президент настаивает на легитимности деятельности России в рамках как международного, так и внутрироссийского законодательства. Для подтверждения легитимности приводятся цитаты из решения Международного суда ООН и Письменного меморандума США. Заметим, что цитирование официальных документов не свойственно риторике В. В. Путина, на что он сам обращает внимание: *«я не люблю обращаться к цитатам, но все-таки не могу удержаться»*.

В примере, приведенном выше, мы наблюдали, что объектом порицания в президентской риторике обозначалась Россия недавнего прошлого (периода 2009–2010 гг.), «полупарализованное полугосударство», а на внешнеполитической арене действия России носили преимущественно миролюбивый характер. Присоединение Крыма во многих странах расценили как проявление агрессии со стороны России, однако в выступлении Президента Путина подчеркиваются мирные намерения: *«мы хотим дружбы с Украиной»*, *«мы сами никогда не будем стремиться к конфронтации с нашими партнерами ни на Востоке, ни на Западе»*. Основным противником для России предстает НАТО: *«То, что в городе русской воинской славы появился бы натовский флот, что возникла бы угроза для всего юга России – не какая-то эфемерная, совершенно конкретная»*. Однако и в данном случае риторическое противоборство проявляется сдержанно, с оговорками: *«мы не против сотрудничества с НАТО ... мы против того, чтобы военная организация хозяйничала возле нашего забора»*.

Обращение В. В. Путина адресовано не только россиянам, но и самой широкой мировой аудитории. Поэтому президент называет те ценности, в рамках которых можно оценить это спорное событие: для американцев проводятся параллели с Декларацией независимости (*«Разве стремление жителей Крыма к свободному выбору своей судьбы не является такой же ценностью?»*); немцам напоминает о поддержке СССР *«неудержимого стремления к национальному единству»*.

Анализ выступления В. В. Путина позволяет нам сделать вывод об основных составляющих декларируемого образа России: подвергаемая незаслуженным нападениям, но претен-

дующая на самостоятельную и активную позицию в международной жизни. Этот статус обоснован следующими ценностями: правдой, справедливостью, исторической общностью – и дополнен призывом защищать интересы русского народа и русскоязычных граждан по всему миру. Ценность русского языка в российском обществе является необычайно высокой, его называют «самым надежным основанием для культурного единения, для консолидации и взаимопонимания в России» [9, 11].

Деятельная и независимая внешнеполитическая позиция Российского государства, обоснованная ценностями, которые разделяет общество, оказалась близка общественным ожиданиям и повлияла на небывалый рост одобрения работы президента страны – до 82,3 % [1], а значит, и позитивным образом сказалась на образе государства в России.

Резюме. Анализ представления в официальных интернет-ресурсах актуального события – присоединения Крымского полуострова к России – показал следующие результаты:

1. Образ государства в США является стабильным элементом политического дискурса. Ключевой составляющей этого образа является представление о мировом идеологическом лидерстве США. Эта идея подчиняет себе схему представления любого политического события.

2. Идея лидерства является ключевой и для образа государства в Германии. Однако это государство претендует на лидерство меньшего масштаба – общеевропейское. Границы общеевропейской общности определены идеологически, и эта идеология созвучна американской. Кроме того, в материалах последних лет прослеживается попытка интерпретировать исторические события с учетом актуальной прагматики.

3. Наибольшую динамику показал образ государства в России. Основным объектом политической борьбы в 2009 году были внутривнутриполитические проблемы, полученные государством в наследство. На внешнеполитической арене Россия позиционировала себя как миролюбивое государство, руководствующееся принципом экономической целесообразности. События украинского кризиса и присоединение Крымского полуострова к РФ показали самостоятельную и активную внешнеполитическую позицию России. Эта позиция и ее риторическое представление позитивно сказались на восприятии образа государства внутри страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. ВЦИОМ Пресс-выпуск 2546. Рейтинг Путина – новая высота [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114759>.
2. Галумов Э. А. Международный имидж современной России (политологический анализ) : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04. – М., 2004. – 52 с.
3. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. – М. : Добросвет ; Изд-во «КДУ», 2009. – 234 с.
4. Наумов С. Ю. Украинский кризис как момент истины для российской политики // Власть. – 2014. – № 4. – С. 5–9.
5. Рождественский Ю. В. Теория риторики. – М. : Флинта ; Наука, 2006. – 512 с.
6. Томова Ю. С. Формирование позитивного образа государства в условиях кризисного события // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2(48). – С. 190–194.
7. Федякин А. В. Образ России: национальные интересы и приоритеты. – М. : Соц.-полит. мысль, 2005. – 249 с.
8. Федякин А. В. Зарубежный опыт политики формирования позитивного образа государства: сравнительный анализ теории и практики. – М. : МИИТ, 2009. – 256 с.
9. Химик В. В. Национальная идея и русский язык // Политическая лингвистика. – 2008. – № 3(26). – С. 9–16.
10. Шейгал Е. И. Язык СМИ и политика в семиотическом аспекте // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. – С. 121–162.